

интересов общества и государства. Следует отметить, что определение предметов ведения Российской Федерации и субъектов РФ, а также понятия «совместного ведения» настолько расплывчаты, что правовое регулирование на их основе весьма затруднено. Для этого и необходима сильная президентская власть и расширение функций полномочных представителей Президента РФ в Федеральных округах. Эта мера вынужденная, но именно такие действия помогли остановить дезинтеграционные процессы в Российской Федерации.

Таким образом, Конституция РФ, принятая как Основной Закон государства переходного периода, нуждается в дальнейшем совершенствовании, обновлении и дополнении. С теоретической точки зрения можно спорить о положительных и отрицательных моментах Конституции РФ, но, с практической точки зрения, эти споры помогут найти действительный механизм реализации соблюдения прав и свобод человека. Действующая Конституция РФ узаконила факт создания новых властных структур, юридически закрепила форму государственного правления, основы государственного устройства и форму политического режима в Российской Федерации. Мы должны исходить из того, что действующая Конституция РФ является основным законом государства, и выполнение конституционных норм есть главная обязанность всех граждан, федеральных органов власти и органов муниципального управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: 2004. – С. 620.
2. Конституция Российской Федерации, принята 12.12.1993.
3. Крусс В.И. К теории пользования конституционными правами // Государство и право. 2006. № 6. – С. 18.
4. Мартышин О.В. Конституция Российской Федерации как памятник эпохи // Государство и право. 2005. № 4. – С. 14.
5. Проблемы реализации и перспективы развития конституционной модели российского местного самоуправления («Круглый стол»). Сост. А.А. Сергеев // Государство и право. 2007. № 3. – С. 37.
6. Эбзеев Б.С. Диалектика индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в Конституции // Государство и право. 2006. № 2. – С. 6.

УДК 342.9

О.А. Андреева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРЫ И ПРАВА В ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Для современной науки характерно освоение нового понятийного пространства, охватывающего процессы инновационного развития общества, что требует отражения и закрепления в нормах современного права. Создание нового социокультурного пространства требует рассматривать преемственность, историзм и риск, с точки зрения их правового обеспечения.

Под влиянием инновационных процессов происходит смена парадигмы социокультурных взаимоотношений, выявляются новые пласты либеральной структуры современной экономики, которые в качестве экономического базиса приво-

дят к масштабным изменениям в общественной надстройке. Это относится как к материальным, так и духовным процессам, протекающим в условиях быстрой смены экономической парадигмы и социальной стратификации, что требует инновационных подходов для адекватного отражения в понятиях и категориях науки.

Современный политический ландшафт показывает нам удивительную изворотливость граждан, которые, реально обладая солидным богатством, юридически относятся к малообеспеченным слоям общества, как, например, некоторые политики, имеющие в собственности лишь только приватизированное жилье. Во время избирательных компаний многие из них заявляют об отсутствии недвижимости, акций, сбережений, ценных бумаг, указывая как на единственный источник доход от занимаемой государственной или муниципальной должности. «Все свое ношу с собой и поэтому мне нечего терять», – говорят чиновники с кейсами, продолжая между тем пользоваться повышенными общественными благами.

Конечно, это новый вид собственников, которые порвали с прошлыми представлениями о богатстве и которые умеют это богатство создавать, с точки зрения обывателя, на пустом месте. Этот новый класс собственников по-своему также бережно относится к своему богатству, всеми средствами побуждая государство гарантированно защищать право собственности и т.д., подразумевая, в первую очередь, свои интересы, но рассматривая государственную и муниципальную собственность как ту кладовую, из которой можно постоянно черпать средства обогащения. При этом новый собственник часто не имеет никакого отношения ни к производству, ни к технике и технологии, он просто выполняет роль посредника, по сути схожей с ролью свахи, а подчас и просто сводни. Он знает, но не принимает в расчет, что равно признает и защищает частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности, признавая за ними их священность и неприкосновенность.

При этом не упоминается, что в основе успешного бизнеса лежат научные разработки, инновации, конкурентоспособная продукция, которые создают не в предпринимательской, а в научно-технической и сферах, где бизнес осуществляет роль менеджмента, а проще, руководства. Частный бизнес, по нашему мнению, потому эффективнее государственного, что устанавливает железную дисциплину на производстве, допуская свободу в непроизводственной сфере, а государство не может установить должного контроля над дисциплиной труда, так как это не отвечает его социальной сущности. Призыванием государства является не получение прибыли, а создание благоприятных условий для научно-технического прогресса, через который и производится получение прибыли. Но нигде государство не разделяло рабочую силу, техники и технологии на свои и чужие, доступные и запретные, разрешенные и неразрешенные и т.д., так как это подрывало бы основы капиталистического производства, а точнее уменьшало бы прибыль бюрократии и «среднего класса».

В отличие от стабильно развивающихся техники и технологии, общественное сознание, которое, казалось бы, должно отражать общественное бытие, наоборот, показывает признаки нестабильности вследствие роста в глубинах человеческой души зависти, ненависти, национальной спеси, а также агрессии. Государство реанимирует доставшееся ему в наследство религиозное пространство в истории и на этой почве превращает религиозные мифы и легенды в политические и через масс-медиа трансформирует их в псевдосакральную энергию масс. Разрушаются социокультурное пространство и время при сохранении формы, якобы свидетельствующей о преемственности, тогда как эти формы наполняются подчас новым неприемлемым для традиционной культуры содержанием. Классические произведения художественного творчества становятся как бы гумусом для произрастания на нем мелких событий, гипертрофируемых в события мирового значения. Тогда как действительно значимые события озвучиваются вместе с рекламой или прогнозом погоды.

Вообще, складывается впечатление, что масс-медиа – это какое-то дьявольское изобретение, в интерпретации которых понятие правды и лжи принимают относительный характер для удобства использования в контексте политической целесообразности. Складывается ложное впечатление, что, сколько людей, столько и истин. В результате вместо единого исторического социокультурного пространства появляется калейдоскоп политической мозаики, меняющей свой вид в зависимости от смены политических установок. Либерализм изобрел универсальное средство для возражения своим критикам, заявляя, что неприемлемое для человека в условиях современной техники может по выбору восприниматься или не воспринимаются людьми. В особом ходу у либералов такое мнение: «Самое полезное в средствах массовой информации, что на их трансляторах всегда есть кнопка, которую можно выключить».

Из этого делается вывод, что раз не выключают, то, значит, нравится, интересно, и, следовательно, полезно. Но такой подход неуязвим только на первый взгляд, так как при нем человеку вообще можно отказаться от всех благ цивилизации: «Не пей, не ешь, не смотри, не говори, не покупай, не езди и т.д.», только вопрос в том, что же остается в «сухом остатке» человеку. Моральное неприятие этого порядка вещей просто приведет его к физиологической смерти, легкой формой которой является распространяющийся суицид. Следовательно, не либеральная апория абсурда, а научное обоснование допустимого, социально значимого и полезного должно лежать в основе общественного прогноза по планированию технического и социокультурного прогресса.

В настоящее время можно считать установленным общепризнанное негативное отношение к идеологической обработке, в общем-то, ни в чем не повинных людей, т.е. непричастных к противостоянию с государством и его идеологией в форме классовой или иной социальной борьбы. Но поскольку средства массовой информации являются «оружием массового поражения», то они буквально захлестывают горизонт человеческого бытия, стремясь стать доминантами общественного и индивидуального сознания. Возникает своеобразная зависимость современного человека от зигзагов политики, что выдается за его возвышенную гражданскую позицию. Если раньше человек, как шутили, колебался вместе с линией партии, то теперь он колеблется вместе с курсом доллара или новомодной телевизионной программой, рекламирующей очередную финансовую пирамиду. Принципиальность, которая считалась ценностью на протяжении веков, объявляется догматизмом и отсталостью от уровня современного технократического мышления, считая современным приспособление человека к той или иной политической или культурологической технологии, которые с удивительной приспособляемостью к обстановке появляются в нужное время и в нужном месте.

Время политиков сменяется модой на «крепких хозяйственников», «политических тяжеловесов», «топ-менеджеров», «людей года», «лучших управленцев» и т.д., а так как этот список не закрытый, то нужно думать, что изобретательности у современных оракулов эфира достаточно, и, видимо, хватит еще надолго. Опираясь на достижения современных информационных технологий, масс-медиа удастся свой интерес выдавать за общий, используя природную склонность индивидуума к коммуникативности, его внутреннему сопереживанию судеб мира как своих собственных.

В то же время действительные интересы общества нуждаются в таких условиях, «чтобы бизнес получил гарантии на будущее и имел реальные стимулы для долгосрочных инвестиций в науку, чтобы интересные профессии обрели в обществе ценность, а политическая стабильность внушала людям не просто «спокойствие», а уверенность в будущем страны. Это, – считает А. Ципко, – кстати, и будет

лучшая «инновация», – если говорить о переходе от слов к продуманным делам». Научному сообществу следует более активно озвучивать свои идеи и видение мира, придавая им иногда и популярную форму с тем, чтобы на освободившемся пространстве не паразитировали различные околонучные и даже антинучные силы, преследующие свои узкогрупповые интересы, которые не всегда созвучны общественному прогрессу. В противном случае такой подход создает мнимую общность политических, религиозных, корпоративных и иных единомышленников, так как все они разделяют некоторые навязанные средствами массовой информации стереотипы.

Зависимость от политического прожектерства предоставляет обывателю иллюзию его сопричастности к социокультурному прогрессу, при этом не мешая привычному течению его прагматизма в решении своих мелких повседневных проблем. По сути, обыватель всегда может заявить, что в его действиях нет «ничего, кроме бизнеса», так как его политические взгляды и позиции носят внеэмпирический характер и прямо не связаны с наличным бытием. Свобода мнений, которая допускалась со времен средневековья и которая была выражена Д. Юмом в его знаменитой формуле «о вкусах не спорят», выдается за политическую свободу, которую считают важнейшим завоеванием и достижением либерального общества.

Наряду с процессом мультипликации общественных связей, ежедневно множимых ходом научно-технического прогресса, развиваются процессы упрощения человеческого сознания, которое объективно чувствует дискомфорт от избыточности информации. Как современный компьютер уничтожает избыточную информацию при переполнении памяти, так и человеческий мозг, видимо, вытесняет эту избыточность либо в подсознание, либо в долговременную память. Современному человеку снятся и современные сны, и представляются вызовы и угрозы, малосвязанные с преданиями наших предков, о силах, олицетворяющих зло и угрожающих его самости. Политика, до сих пор являющаяся лишь одной из форм общественного сознания, претендует на то, чтобы представлять все общественное сознание, в чем она, несомненно, преуспела. Если сравнить авторитетность научного мнения и политического высказывания, особенно если оно принадлежит лидеру политического действия, то нет никакого сомнения, что политическая составляющая социокультурного процесса почти всегда затмевает мнение ученого.

Игнорирование мнений науки и научного сообщества не грозит никакими рисками, тогда как противопоставление себя политической линии, довлеющей в обществе, грозит реальными угрозами в отношении социального комфорта и благополучия человека. Поэтому в результате новейших информационных технологий происходит неизбежное замещение исторического и социокультурного сознания политизированным и идеологизированным восприятием общественного бытия, состоящего из фрагментов, вырванных из общей картины развития человеческой самости.

Многие зарубежные и отечественные ученые бьют тревогу по поводу вторжения технических новинок класса массовых коммуникаций в личное человеческое пространство, до сих пор охраняемое культурой, как личное достояние человека. Большинство авторитетных ученых выражают тревогу, не приведет ли все это к дебилизации общества. Другие задаются вопросом, чем для нас являются некоторые порождения технического прогресса, чего больше приносят: бед или благ. В любом случае, людям без участия философии вряд ли удастся договориться о приемлемых регуляторах технического прогресса, так как для этого нужно сначала познать самого себя.

Владение современными сверхсложными технологиями и обслуживание техники, основанной на новой инструментальной базе, приводит к аберрации взгляда на

действительность, в котором начинают преобладать черты создающих иллюзию сверхспособностей человека и его кажущейся независимости от эмпирии социокультурной жизни. Использование современных материалов и высокоточной техники исполнения начинают преобладать над произведениями искусства, которые несоизмеримы по качеству исполнения, но низкопробны по существу. В результате этого культура воспринимается не как качество, а как количество предоставляемых ею материальных и духовных благ. Тиражирование образца искусства в массовом порядке ассоциируется с его исключительной художественной ценностью, так как массовость культуры, с точки зрения рынка, всегда предпочтительнее ее элитарности.

Эстетика, конечно, уступает технике, так как последняя пользуется всем арсеналом логического доказательства, в то время как красота может только нравиться или не нравиться, скрывая оценочный критерий в недрах индивидуальности. В принципе, эту область иррационального эстетического переживания можно свести к системе логических категорий, но при этом будет утрачена тайна творчества, которая требует не доказательства, а свидетельства, что описывается языком теории ценностей, введенной в философию еще неокантианцами Фрейбургской школы. Ценностное отношение к действительности стало противопоставляться теоретико-познавательному отношению, существующему наряду с ним. Представители этой школы критически относились к методу обобщения, применяемому в науке, который, якобы, обезличивает действительное многообразие мира, противопоставляя ему индивидуализацию при рассмотрении явлений. Неокантианцы усматривали достоинство этого метода в том, что он дает представление о действительности в ее ценностном значении. В соответствии со взглядами Канта, все поступки человека детерминированы извне, так что его моральная автономность может обеспечиваться только свободой, которая реализуется в умопостигаемом мире.

Поскольку свобода реализуется по ту сторону реального мира, постольку требованием практического разума должно быть признание существования этого мира, так как только оно приводит к признанию нравственного закона и моральной ответственности человека в связи с уважением этого закона. В определенной степени свободное проявление человеческой деятельности превращается в творчество, где свобода дает возможность человеку как природному существу выйти за рамки естественной необходимости.

Можно возразить в связи с этим, что в данном случае проявлена односторонность в оценке культуры и истории, так как в свете развивающегося консенсуса техники и культуры у нее проявляются и объективные критерии общественной значимости, так как элементы культуры вплетаются в ткань технического прогресса, представляя синтез духовных и материальных ценностей. Следовательно, и философия, и аксиология способны добывать знания об объективном мире, не порывая в то же время со сферой должного, где происходит интеллектуальное конструирование образа социальной действительности. Можно сказать, что современная научная картина мира является результатом духовной деятельности человека, вооруженного средствами научно-технического прогресса. Субъективное здесь выступает в роли объективного только в пределах человеческого интеллекта, проявляясь вовне в форме духовности, что имеет свое очевидное выражение в менталитете человека, о котором можно судить в общепринятых научных и философских категориях.